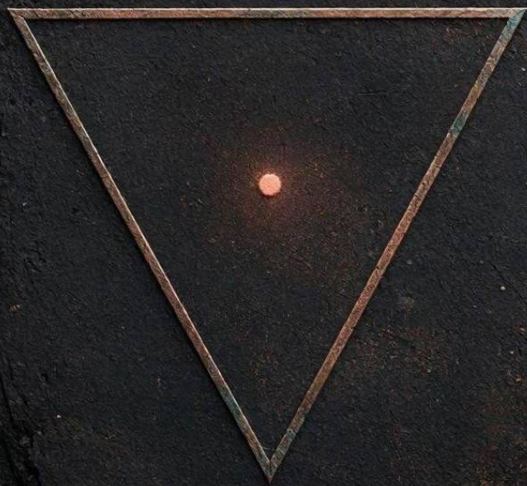

ПАНТЕОН

Д. С. Мелков

Дмитрий Мелков

Пантеон: история Кироса

<https://litres.ru/74298908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сколько стоит попытка вылепить идеальный мир, если материалом служат человеческие чувства, а инструментами — безумие и слепая вера?

Кирос — ремесленник, для которого сырая глина всегда была символом надежды всё исправить, а обожжённая — неизменной судьбой. Погружаясь в одиночество, он берется сотворить свой собственный «Пантеон».

Философская притча о пределе человеческого эго, цене иллюзий и о том, что происходит, когда творец путает любовь с властью.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Гончар	6
Глава 2. Формы пустоты	16
Глава 3. Из пламени	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пантеон: история Кироса

Предисловие

Тот, кто ищет здесь сказку о богах, найдет лишь отражение собственной тени. Издревле сказано: *что вверху, то и внизу, что внутри, то и снаружи.*

Пантеон — не обитель бессмертных за облаками, а лишь проявление единого начала. Человек — малейшая из форм бытия, но гончар, вдыхающий жизнь в мертвую материю, неизбежно оставляет в ней свою тень.

Подобно древним откровениям «Асклепия», где созидание становится актом вложения духа в земной камень, мастер ступает на путь великого огня. Но когда высшие силы смыкаются над головой, а нижний угол триады принимает на себя всю тяжесть мироздания, творение обречено на крах.

Всматривайся в символы. Слушай тишину между словами. Ибо всё, созданное руками человека, вплетено в единый и беспощадный ритм времени.

Даже времени ход столь прекрасен в размахе

Истребляющем все и опять создающим...

Человек заблудился в ночном полумраке,

Жизнь — лишь рана на теле живущих.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "D. Mendeleev". The signature is written in a cursive, flowing style with a large, sweeping flourish at the end.

Глава 1. Гончар

— Пустое занятие... Ну вот почему он такой?

— Кирос, мой юный друг, успокойся. Он прекрасен тем, что это твоя первая работа.

— Но эта жуткая кривизна, трещины! Зачем такой подсвечник кому-нибудь может пригодиться? Его место в канаве!

— Он нужен тебе. Это не просто подсвечник, это важный урок: ничто не совершенно. Я видел, с какой любовью ты трудился над ним, как старался придать ему желаемую форму, сколько энергии вложил в него. Он — сосуд, в котором скрыта частичка твоей души.

— Но он...

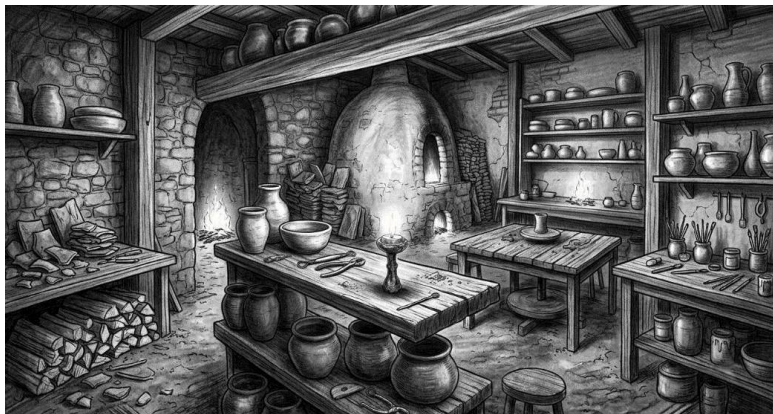
— Прекрасен! Пройдут годы, ты начнешь делать идеальные амфоры, подсвечники, сможешь создавать статуи... Но они все будут похожи, а он — один. Каждая его трещина уникальна, и именно его ты никогда не сможешь повторить.

Кирос остановился и снова посмотрел на свое первое творение. А действительно, он уникален. В чаше для воска сформировался невероятный узор, ножку обвили маленькие трещины, словно прожилки на древнем камне.

— Ладно, пусть останется со мной. Возможно, ты действительно прав, лишь время теперь может дать ответ.

Наставник лишь улыбнулся и опустил на скамью, а Ки-

рос продолжал смотреть на подсвечник.

Спустя годы после этого разговора, когда его первый друг и наставник в ремесле скоропостижно скончался, Кирос занял место гончара. Время, проводимое в его скромной мастерской, теперь ощущалось иначе: каждый вздох был наполнен ароматом глины и дымом очага, а его сроднившиеся с материалом руки оживляли бесформенные комки, превращая их в совершенно удивительные формы. Этот процесс завораживал — танец, где руки гончара и податливая глина сливались в едином ритме.

В мастерской во время работы царил особая тишина, нарушаемая лишь мерным вращением гончарного круга, легким постукиванием стеков, шелестом глины и потрескиванием огня в очаге. Это была тишина сосредоточенности, ти-

шина творчества, тишина, в которой рождалось нечто прекрасное и необходимое. Запах дыма смешивался с ароматом глины, создавая неповторимый букет. А во время обжига происходила настоящая магия: предмет приобретал свой окончательный вид и был готов отправиться к своему первому владельцу.

Именно эта тишина, аромат и волшебство создания форм часто привлекали к нему людей. Некоторые с интересом наблюдали за процессом и старательно запоминали каждый этап, кто-то просто жаждал тишины и умиротворяющего действия, которое успокаивало разум и пробуждало душу. Это было настоящее святилище, где Кирос управлял дарами природы, а его руки, покрытые слоем глины, казались частью его самого.

Одним из таких посетителей стала девушка из знатной семьи. Уставшая от надменных речей гостей и прислуги, наполнявших дом ее отца, она при каждой возможности сбегала к нему. Сперва наблюдала за процессом через небольшое окно, а затем стала заходить внутрь и, тихо сидя в углу, следить за работой.

Кирос же, погруженный в свое дело, не обращал никакого внимания на приходящих, лишь изредка озирая их недобрым взглядом.

- Наверное, он совершенно одичал, — говорили одни.
- Он всегда был таким, — уверяли другие.
- А мне кажется, что он сумасшедший, — вторили тре-

тьи.

Но при этом редкий гость, зашедший в мастерскую ради уединения, приветствовал его. Для них мастера словно не существовало в этой комнате. Люди сами отвергли и сами же окрестили его чужим, не имея на то ни единой причины. Не было конфликтов и споров, не было ни одного раза, когда он не ответил бы на вежливость или отказал в помощи. Он жил, а они наблюдали... Сложно человеку понять творца, а творцу — человека, если речь не заходит о бытовых вещах.

Но однажды Дэрия, привыкшая к его присутствию в своей жизни и желая разнообразить наскучившие ей дни, решила заговорить с ним.

— Тебя ведь зовут Кирос?

— Милая Дэрия, неприлично задавать вопросы, не поприветствовав собеседника.

— Ты знаешь мое имя? — она не обратила внимания на его замечание.

— То, что я перестал обращать внимание на проходящих в мастерскую людей, не означает, что я перестал слышать их разговоры.

— Наверное, благодаря этому ты слышал много лишнего? — с улыбкой спросила она.

— Лишнее на то и лишнее, чтобы его не слышать и уж тем более не запоминать.

Кирос закончил амфору и поставил ее в печь, бегло оглядев девушку. Она была прекрасна: юная дева с зелеными гла-

зами, а улыбка заставляла трепетать сердце каждого в этом городе.

— Покажешь мне свои изделия?

— Все открыто для тебя, все стоит вокруг, только будь осторожна и не разбей ничего.

На полу мастерской, на полках — повсюду стояли его работы. Тарелки, амфоры, ложки, огромное количество разных глиняных изделий, которые регулярно заказывали у него жители города.

Дэрия осматривала их, двигала, а Кирос то и дело оборачивался, опасаясь за каждую секунду своего труда. Она обошла все, но остановилась около маленькой деревянной полочки в углу, на которой одиноко стоял его первый подсвечник. Она протянула руку, и Кирос тут же ее схватил. Его пальцы больно впились в ее кожу, а глина, оставшаяся на ладони, испачкала прекрасное платье.

— Это нельзя!

— Отпусти! — она выдернула руку и начала отряхиваться.

— Что особенного в этом жалком подсвечнике?

Кирос кипел от ярости, охватившей его. Он не знал, что делать: ударить, вытолкать наружу и захлопнуть дверь... или поцеловать, чтобы она замолчала и больше никогда не смела сюда возвращаться. Резко выдохнув, он закрыл подсвечник своим телом.

— Он не жалкий, он особенный. Ты все равно этого не сможешь понять.

— Чем?! У него кривая ножка, трещины, сколы по краю... Он жалок, как и твое желание его оправдать.

— Это мое первое изделие, и не смей оскорблять труд моих рук! Его трещины — это опыт, который я получил; кризиса — это ожоги во время обжига, а сколы... это люди, которые не видят ничего дальше своего носа!

Она испугалась... Впервые в своей жизни она испугалась

чего-то. Его глаза, его речь, интонация, сила — все это пронзило ее насквозь и выбило из колеи. Дочь богатого отца, видевшая только раболепие в своем доме, впервые столкнулась со столь сильной агрессией и, проклиная его и его подсвечник, выбежала на улицу, захлопнув дверь.

Кирос продолжал работать, а она — существовать в своем привычном мире, который, хоть и надоедал своей приторностью и пустыми речами, давал чувство безопасности. Жизнь шла прежним порядком, но нечто изменилось... для них обоих.

Он вечерами вспоминал о ней, ложась спать и сожалея о своей грубости: ведь это всего лишь глупый, избалованный ребенок, можно было объяснить иначе, деликатнее. Но помнил он и еще одну свою мысль — поцелуй, который хотел, но не совершил... Ее губы и глаза крепко отпечатались в его голове, и стало совершенно непонятно, что именно тянет его вернуться в тот миг: желание сменить агрессию на деликатность или лишь губы Дэрии манили его назад, в момент, когда она была так близко.

Ее жизнь тоже изменилась после этого, но совсем не от желания вернуться и извиниться за свою наглость — наоборот, ее мысли захватил подсвечник. То, что нельзя заполучить просто так... предмет, который продемонстрировал ей опасность этого мира и впервые познакомил с искренней агрессией.

Спустя время она решилась вновь прийти в мастерскую и

тихо села на скамью в углу, наблюдая за тем самым подсвечником. Кирос видел, как она вошла, но старательно сдерживал свои эмоции и не поворачивался в ее сторону.

— Кирос, здравствуй.

— Здравствуй, — сухо произнес он.

— Я хотела с тобой поговорить.

— Я тоже этого хотел...

— Тогда ты первый. Возможно, наши мысли совпадают, так пусть их начнет мужчина.

Он развернулся, отставив заготовку. Подошел к ней и, с болью глядя в ее глаза, начал говорить.

— Дэрия, я... хочу извиниться за грубое отношение к тебе. И знаешь, — он мягко взял ее за руку и притянул к себе (Дэрия с интересом наблюдала за ним), — я обезумел от твоих глаз.

Он неожиданно резко взял ее за талию и притянул к себе, страстно желая исполнить свою мечту о поцелуе, но в ответ получил только удар по щеке.

— Но я... — Кирос растерялся, — люблю тебя!

Дэрия с силой оттолкнула его, понимая теперь, о чем он планировал поговорить. В одну секунду она отскочила к двери, но взгляд упал на подсвечник, и она остановилась на пороге.

— Я хотела поговорить не о чувствах. К тебе у меня их быть не может! Я хочу его, — она показала на полку, где стояла возжеленная вещь.

— Он не продается!

— Все продается, и у всего есть цена. Назови свою, и мой отец оплатит.

— Глупая девчонка! Нет у него цены! Он мой!

Кирос двинулся в ее сторону, но она резко выскочила на улицу и ушла, растворившись в толпе, а он вновь остался один со своими желаниями.

— И зачем я это сказал...

Это было единственное, что он смог выдавить из себя в тот вечер — жалкий, обреченный шепот, потонувший в шуме улицы. Какая глупая, наивная иллюзия: верить, будто одно только слово «любовь» способно удержать человека на пороге! Он хватался за него, как за спасательный круг, забыв, что тонкая ложь не скроет безумия в его голове. Его слепой порыв лишь испугал девушку, заставив сбежать без оглядки. И пока сумерки окончательно поглощали ее силуэт в толпе, Кироса накрыло осознание катастрофы. Надежда, ослеплявшая его, сгорела дотла, оставив после себя лишь пепел и леденящую пустоту. Он потерял ее. Потерял то, что никогда в жизни не смог бы получить. На этот раз — навсегда.

Глава 2. Формы пустоты

Глина — это метафора жизни. Пока она сырая, в ней есть надежда всё исправить, а обожженная глина — уже судьба, которую не изменить. Кирос это прекрасно понимал и каждый вечер искал ответ, как обратить время вспять или вновь вернуть её в мастерскую, чтобы объясниться... Но сможет ли он объясниться, или итог будет точно таким же?

Дэрия ли распустила слух о его безумии или так сложились обстоятельства, но его посетители внезапно исчезли. Редким гостем стал заказчик или торговец в поисках товара. Тишина мастерской стала оглушительной и с безумной силой начала давить на разум, разъедаая при этом и его душу. В один из приступов гнева, вызванных бесконечным давлением, Кирос стал швырять амфоры в стену, одну за одной. Они с грохотом разлетались на осколки, звонко рассекая острыми краями поглотившую мастерскую тишину.

Не в силах удержаться на ногах, он падает на скамью; его взгляд обращен на огонь в печи, который уносит его в царство грёз. Его жизнь превратилась в бесконечную борьбу — борьбу с самим собой. Он чувствовал себя одиноким, потеряннным, словно заблудился в лабиринте собственных мыслей. И именно в момент погружения разума в пламя, в его голове зародилась идея: безумная, пугающая, но такая притягательная.

— Я создам её из глины! Свою собственную жизнь, которая будет подвластна лишь мне!

Поднявшись, он судорожно пытается вылепить образ Дэри. Пальцы въедаются в сырую массу, но податливый материал отторгает замысел: простая глина не способна передать его боль, а сам он бессилён сотворить хотя бы подобие человека. Оскверненная мечта рассыпается под пальцами, и вместе с ней рушится последний оплот иллюзий. Идея, столкнувшись с глухой реальностью, отступает, и на смену безумию приходит ледяная, опустошающая трезвость. В этой звенящей тишине он ещё не знал, что судьба уже ведёт к его порогу человека, способного дать новый толчок его безумию.

Следующим утром в его мастерскую забрел странствующий учёный, проживший множество жизней через рассказы других людей. По слухам, этот человек был знаком с тысячей ремесел и обладал миллионами знаний. Его возраст невозможно было определить; одежда не имела роскошных плетений или чудесных узоров, но, несмотря на очевидную изношенность, на ней не было следов нищеты. Простая и ухоженная — так стоит её охарактеризовать. В нее было вшито множество карманов, заполненных блокнотами и листами с записями самых чудесных историй из путешествий. Самой ценной в его арсенале была книга, которую он всегда держал в руках, даже когда ложился спать. В ней были ответы на самые удивительные вопросы, которые он задавал миру, хотя

и не всегда получал ответ.

— Здравствуй, Кирос, мой друг!

— Здравствуй, а мы разве знакомы?

— Разумеется, нет... Меня зовут Гермес, я собиратель историй.

— Откуда тогда тебе известно мое имя?

— В городе очень многие говорят о твоём безумии... Ну и, конечно же, в разговоре мне сообщили твоё имя, — Гермес улыбнулся.

— Я не безумен, люди всегда говорят...

— Бесспорно, люди говорят много и безумием называют то, что не могут понять. Поэтому я решил навестить тебя, и теперь мне очевидно, что ты совершенно здоров.

— Мне приятно это слышать, жаль только разочаровывать тебя своим здоровьем.

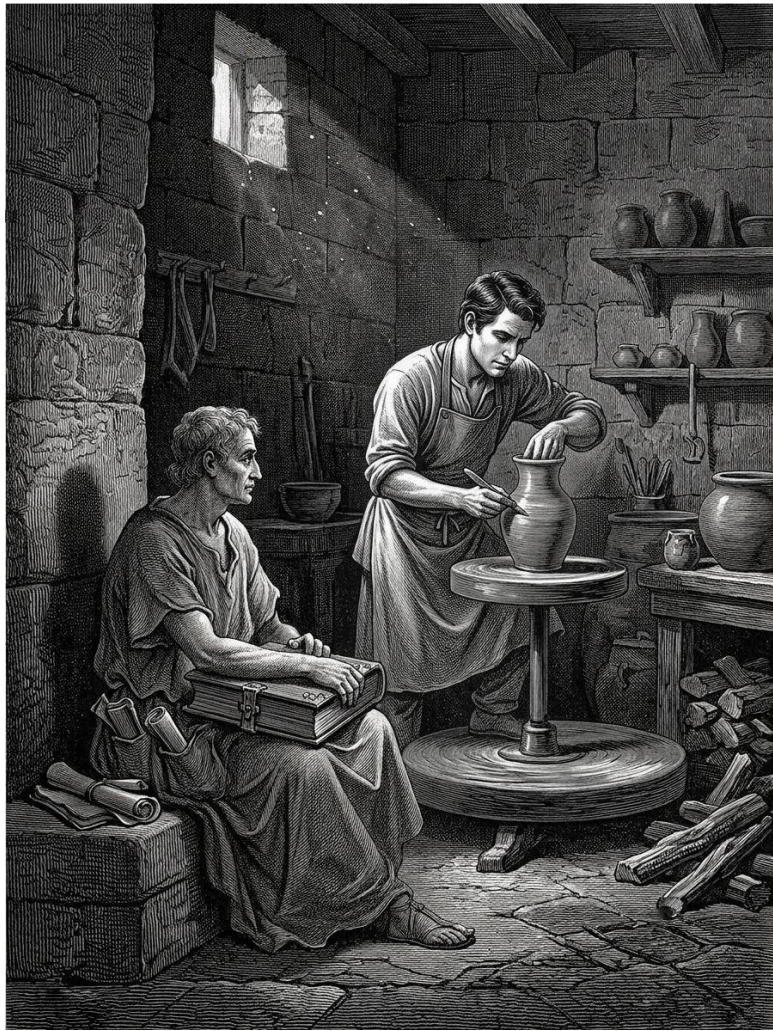
— Нисколько! Меня это только радует! Если бы всех, кого люди называют безумцами, я обходил стороной, в моей книге не было бы ни единой записи. Но, как правило, это совершенно прекрасные и здоровые люди, которые наделены удивительными талантами и неожиданными идеями.

— Даже не знаю, какими талантами или идеями я могу поделиться с тобой... Я простой гончар, моя работа — обычное ремесло.

— Как правило, за этим и скрываются настоящие чудеса. Позволишь мне остаться у тебя на несколько дней? Мне некуда идти, да и деньги на исходе...

— Конечно, оставайся.

Гермес сел на скамью в углу — ту самую, где когда-то собирались зеваки, — и тихо, без лишней суеты начал раскладывать сокровища из своих бесконечных карманов. На потертом дереве появились исписанные мелким почерком пергаменты, засушенные травяные стебли и старые карты. Он раскладывал их, словно пасьянс, постоянно меняя местами, вслух шепча имена давно забытых городов и философов.

Кирос тем временем вернулся к гончарному кругу. Впервые за долгие недели угнетающая тишина мастерской сменилась животворящим присутствием другого человека. Под мерный хруст влажной глины и мягкое шуршание бумаги день потек совсем иначе. Кирос с выверенной точностью центровал кусок сырой массы на круге, но мысли его были далеки от формы сосуда. Он наблюдал за странником: как тот бережно касается страниц и с почти святой трепетностью переворачивает листы своей главной, тяжелой книги в кожаном переплете.

В этом молчаливом созидании проходили часы. Один погружался в глубины накопленной веками мудрости, ища незримые связи между историями, а второй готовил вопросы, зачарованный тем, как из полного хаоса записей путник выстраивает идеальный порядок. Мерный ритм работы и глубокое спокойствие, исходившее от Гермеса, постепенно заполняли брешь в душе гончара. В какой-то момент Кирос поймал себя на мысли, что перед ним не просто случайный гость, а человек, знающий о жизни нечто недостижимо большее.

Когда сумерки сгустились и единственным источником света остался теплый отсвет печи, Кирос остановил круг, вытер вымазанные глиной руки и долго смотрел на фолиант в руках гостя. Чувство глубокого уважения и невольного трепета окончательно оформилось внутри.

— Учитель... — тихо, но с невольным трепетом произнес Кирос, опустив руки на край гончарного круга. — Извини, если лезу не в свое дело, но... я весь день наблюдаю за тобой. Что это за свитки? И откуда у тебя эта книга?

Гермес мягко улыбнулся, проведя шершавой ладонью по пожелтевшему краю одного из пергаментов.

— Свитки? Это всего лишь осколки, Кирос. Черновики чужих судеб, отрывки древних ремесел, забытые рецепты и истории людей, которых уже давно никто не помнит. В одном из них описан способ обжига глины, который использовали тысячи лет назад в пустынях, в другом — дневник мореплавателя, искавшего край земли. Я собираю их, чтобы память о прошлом не исчезла окончательно.

Он поднес ближе к огню тяжелый фолиант в темном кожаном переплете, и Кирос заметил, насколько испещрены его страницы разными почерками и чернилами.

— А книга... — Гермес задумчиво перелистал несколько плотных страниц. — Это не просто записи. Это попытка найти общую истину, сложить все эти осколки в единую картину. Но знание не принадлежит кому-то одному.

— И кто же начал её писать? — Кирос подался вперед, завороченный спокойным, размеренным голосом странника.

— Я уже не помню... — ответил Гермес, и в его голосе прозвучала легкая, почти неуловимая грусть. — Но мне кажется, что ее писали двое. Один задавал вопросы, а другой искал ответы. Или, быть может, оба просто пытались понять

этот мир с разных сторон.

— А нет ли среди них записи о том, как оживить глину?

— Не помню о таком... хотя, возможно, и есть. Я же верно понимаю: ты хочешь сделать ее послушной? Был один старый гончар, он говорил, что...

— Учитель, Гермес, нет! Я хочу именно сделать ее живой! Представь себе человека, созданного из глины... который будет таким же, как мы!

— Боюсь, мой друг, это невозможно: мы созданы из материального и нематериального. Даже если ты сможешь создать тело, мне неизвестно о возможности создания души... Я слышал легенду, что дух добра или зла можно вселить в форму, но это вызывает у меня большие сомнения.

— А тебе известен способ вселения духов?

— Я не дам тебе ответа, он слишком глубоко скрыт в моей памяти — очевидно, для собственной безопасности. Лишь обрывки воспоминаний о возможности данного акта сохранились в ней.

— Возможно, он все-таки был записан на страницах твоей книги?

— О нет, мой юный друг, я стараюсь избегать таких знаний. Разве что истории о результате подобного опыта, но помнится мне, что они никому не смогли подарить желаемый результат.

Разговор утих. Огонь в печи медленно догорал, погружая мастерскую в густые, мягкие тени. Напряжение, висевшее в

воздухе после неразрешенных вопросов, уступило место глухой, тяжелой усталости.

— Уже поздно, Кирос, — тихий голос Гермеса прозвучал почти невесомо. — Разуму нужен отдых, чтобы переварить то, что не способно вместить сердце.

Странник бережно закрыл свою книгу, уложил ее под голову вместо подушки и завернулся в потертый плащ прямо на узкой деревянной скамье. Кирос, так и не получив желаемого ответа, еще долго смотрел на угасающие угли, после чего опустился на свою солому в противоположном углу. Забытье пришло не сразу — голова пылала от обрывков сказанных слов.

Когда первые холодные лучи рассвета пробились сквозь щели в ставнях, Кирос открыл глаза. Мастерскую заполнял утренний полумрак. На скамье в углу было пусто.

Гончар резко поднялся. Ни плаща, ни книг, ни свитков. Полночная беседа, таинственный фолиант и сам Гермес казались теперь лишь призрачным сном, порождением его собственного затуманенного разума. Но слова, оброненные странником, продолжали звучать в ушах Кироса, разгораясь с новой, пугающей силой:

«...лишь дух добра или зла можно вселить в форму»

«...ВОЗМОЖНОСТЬ данного акта»

Гермес предостерегал его, но для Кираса эти предостережения стали единственной зацепкой. Если простая глина мертва, а сотворить настоящую душу человеку не под силу, значит, нужен иной путь. Запретный, опасный, но единственный оставшийся — призыв. Если в глиняное изваяние невозможно вдохнуть жизнь изнутри, нужно заставить дух войти в него извне.

Идея, еще вчера казавшаяся безумной, теперь плотно завладела его разумом, обрастая формулой действия.

— Нужно найти способ призвать дух, пусть даже злой, но я обязан это сделать!

Он сел на скамью, где еще вчера вечером сидел учитель Гермес, и молча замер, увидев на полке подсвечник.

— Частичка моей души в нем... а что, если?

Глава 3. Из пламени

Кирос непрерывно смотрел на несовершенные формы своего первого изделия, ища ответ в трещинах ножки. Время тянулось медленно. Дневной свет угасал, золотые столбы света растворялись, и мастерскую постепенно захватывала непроглядная густая тьма. В этой тишине только треск остывающей глины напоминал о том, что реальность еще существует.

— Красивая вещь... — внезапно раздался голос из самого темного угла.

Голос не был грозным или пугающим. Он звучал низко, с хриплой, едва уловимой усталостью, будто принадлежность к вечности давно стала для его обладателя неподъемной ношей. В нем слышался глухой отголосок древней, застарелой боли — так говорит тот, кто совершил очень много ошибок и слишком поздно понял их цену.

— Кто здесь? — с трудом разомкнув пересохшие губы, спросил гончар.

Из тени медленно соткался силуэт. В нем не было пламени или крыльев, лишь сгустившийся мрак, принимающий очертания высокого сутулого путника с взглядом, полным холодной, застывшей печали.

— Меня зовут Агрон, — произнес дух. Он окинул взглядом разбросанные по полу черепки, и в его глазах на мгно-

вание вспыхнула странная, скрытая теплота — сочувствие к смертному, ступившему на скользкий путь. Но дух мгновенно спрятал этот порыв за сдержанной, едва заметной ухмылкой. — Ты искал того, кто способен войти в твою глину, Кирос. Но понимаешь ли ты, что заставлять мертвый материал оживать — это сделка, которую невозможно вернуть назад?

— Сделка? А что я заплачу за нее?

— Чтобы создать нечто «вечное», творец должен принять неизбежную жертву.

— Жертву? У меня совершенно нет ничего, чем можно пожертвовать.

— А как же душа?

— Она давно мертва... ее сжег жар моей печи и безмолвие этих стен. Разве что ее часть осталась в подсвечнике...

— Ошибаешься, мой друг! Раз уж ты разговариваешь со мной, а тело твое податливо исполняет волю разума, значит, и душа в нем еще жива. Завтра я вернусь к тебе за ответом.

— Я согласен! — закричал Кирос.

Ответ сам вырвался из его уст, ошарашив даже Агрона. Сам он дал ответ, его разум или гнетущая тишина заговорила его устами. А может и вовсе, надвигающееся безумие.

— Подумай, мой юный друг, прежде чем соглашаться.

— Я слишком долго думал... настолько, что не имею права отказаться! Это идея единственная цель моего бытия!

Агрон тяжело вздохнул и растворился в воздухе. Тишина снова накрыла мастерскую, но теперь она казалась еще более

свинцовой. Слова Агрона о «неизбежной жертве» и цене, за которую придется отдавать собственную душу, висели в воздухе леденящим приговором.

Смятение волной накатило на Кироса, сжимая грудь и не давая сделать нормальный вдох. Руки гончара мелкой дрожью вцепились в края деревянного стола. Неужели он только что добровольно шагнул в пропасть? Готов ли он отдать последнюю искру своего существования ради призрачной надежды вернуть то, что уже сгорело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.